

Куликов Л.В., Пилишина А.В.

Социально-психологические аспекты корыстолюбия и бескорыстия¹

//Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С.16-23.

<http://www.lawpsy.ru/images/magazine/2014-2/n2-2014.pdf>

Аннотация

Представлена модель корыстолюбивых и альтруистических поступков, множественная, многоуровневая детерминация. Систематизированный анализ социально-психологических и личностных факторов, обуславливающих бескорыстные и корыстолюбивые поступки, позволяет уточнить предикторы таких поступков с целью использования их в воспитательной и профилактической работе.

Ключевые слова: психология поступка, бескорыстие, корыстолюбие, альтруистическая, эгоистическая направленность личности, болезненная страсть.

Алчная душа всем злым делам начало.

(Иоанн Дамаскин)

В толковых словарях корысть объясняется как выгода, материальная польза или другая польза, позволяющая кому-либо стать состоятельнее, влиятельнее, известнее. Корыстолюбие — страсть к приобретению, к наживе, к деньгам, к богатству, стремление к личной выгоде, а бескорыстие – отсутствие заботы о личной выгоде, жадности, нежелание пользоваться чем-либо в ущерб, обиду или убыток другим, нежелание наград и возмездий за добрые дела. То и другое качество имеют несомненное мо-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 14-06-00654.

ральное измерение, в них открывается отношение человека к материальному вознаграждению за свой труд. Бескорыстие проявляется как воздержанность в претензиях на оплату своего труда, услуг, оно получает положительную моральную оценку. Корыстолюбие получает отрицательную моральную оценку, если не согласуется с принципами, правилами справедливого распределения благ, ресурсов, вознаграждений. Данное понятие принадлежит весьма широкому лексико-семантическому полю, включающему немалый перечень слов: алчность, корыстолюбие, стяжательство, любостяжание, падкость на барыше, сребролюбие, жадность, нажива, пожива... Наиболее частотным в корпусе русского языка из перечисленных предстает жадность. Однако жадность – это неумеренное желание владения или потребления. Жадность в явном большинстве случаев оценивается как негативное личностное качество, но сама по себе, без пренебрежения со стороны субъекта инструментальными ценностями, без осуждаемых обществом поступков вряд ли может быть отнесена к асоциальному поведению.

Наличие или отсутствие корыстных мотивов (стремления извлечь материальную или иную выгоду имущественного характера либо намерения избавиться от материальных затрат) выступает важным квалифицирующим признаком различных составов преступлений. Известно, что управлять мотивами напрямую (усиливая одни или ослабляя другие) крайне трудно, редко возможно. Однако, меняя условия жизни индивида, социальное окружение, характер общения, информационное пространство, картину мира, представления о возможном и допустимом, развивая умения и навыки саморегуляции, можно способствовать развитию одних мотивов и угасанию других, можно оказывать определенное воздействие на мотивационную сферу личности, преобразовывать иерархию мотивов. Все эти средства должны составлять определенную систему с ясными целями и

средствами, тогда можно говорить о системе мер воспитательного воздействия.

Как и многие другие поступки, корыстолюбивые и бескорыстные поступки обусловлены множеством факторов, принадлежащих разным уровням человеческой организации: от ценностных ориентаций личности до устоявшихся привычек в выборе предпочитаемых действий в конкретных жизненных ситуациях. Перечислим эти уровни организации поведения, обуславливания поступков:

1. Диспозиционные детерминанты: терминальные и вспомогательные ценностные ориентации, жизненные принципы, направленность личности, духовные доминанты.

2. Жизненные смыслы, доминирующие мотивы, цели, планы, установки масштаба жизненного этапа.

3. Черты характера, поведенческие навыки, устоявшиеся привычки, освоенные приемы деятельности, характерные для той ситуации, к которой субъект относит текущую ситуацию.

Рассмотрим эту многоуровневую обусловленность, продвигаясь от верхних уровней к – нижним. Начнем с верхних уровней, поскольку сама суть иерархического строения связана с представлением о преобладании силы влияния верхних уровней над – нижними.

Диспозиционные детерминанты поступков – это верхний уровень регуляции поступков, на котором составляющими выступают усвоенные личностью ценности, нормы поведения, устоявшиеся жизненные принципы. Данные компоненты диспозиционного уровня могут быть в разной степени осознаны, с разной степенью ясности и полноты сформулированы. В нередких случаях они никак не осознаются субъектом, но из-за этого не теряют своей регулирующей силы.

В качестве верхнего уровня должны быть рассмотрены *ценностные ориентации личности* – то ее содержание, которое наполняется из соци-

альной макро- и микросреды. Целевые ценности (мастерство, знания, слава, власть, богатство) придают смысл деятельности, составляют суть индивидуальных устремлений, могут выступать жизненными целями для личности. Каждый человек осознанно или неосознанно выбирает, к какой из этих общечеловеческих ценностей стремиться. Вспомогательные (часто называемые инструментальными) – свобода, справедливость, право, равенство, милосердие, солидарность... Их назначение – смягчить конкуренцию, борьбу людей, устремленных к своим целевым ценностям, а также согласовать индивидуальные потребности и интересы – с общественными. Люди, принимающие эти ценности, достигают социальной значимости законными и нравственными путями, приобретают положительную, а не отрицательную социальную значимость. Их пути самореализации не противостоят принципам гуманизма. В качестве вспомогательных ценностей могут выступать природные свойства человека, в той или иной степени им развитые, усиленные – красота, ум, сила, здоровье и сама жизнь человека. В принимаемых ценностях – не только тех, что известны, но и приняты, разделяемы субъектом как ценности, заложено нормативное представление о должном, предпочтительном или нежелательном.

Рассматривая роль ценностей, вряд ли удастся обойти вниманием такую терминальную ценность как богатство. Однако необходимо заметить, что две другие ценности эгоистического круга – слава и власть, и по способам достижения соответствующих целей и по следствиям, вытекающим из их достижения, весьма близки друг другу. В современном мироустройстве особенно легко происходит «перетекание» популярности в высокие гонорары и обретение влияния, владение большими финансами – в обретение власти и известности, обладание властью – создает широкую известность (кто ежедневно фигурирует на телеэкране – политики или ученые, врачи, педагоги...?), снимает проблему добывания средств «на хлеб насущный». Жажда славы (тщеславие) и жажда власти (властолюбие) не-

редко приводят к тому, что богатство воспринимается как средство достижения славы и/или власти.

Огромный шаг на пути понимания устройства личности и общества был совершен при разработке религиозных концепций, поскольку в их рамках были сформулированы *нормы морали*, устанавливающие приемлемые для социума границы истолкования свободы личности в выборе тех или иных поступков, приемлемой произвольности поведения. Было осознано понимание регулирующей роли ценностей. В православном и католическом богословии алчность отнесена к числу смертных, главных грехов. Смертный грех полностью разрушает связь человека с богом – грех, в котором человек не раскаивается – приводит к гибели души. Влекомый грехом человек идет против религиозного духовно-нравственного закона. Неравенство людей определено человеческой природой: мы рождаемся в разных семьях, разных странах и у каждого из нас разные условия жизни, уровень дохода, образования и интеллекта. Но многим это не дает покоя.

Согласно православной этике алчность приводит к умножению забот и попечений, ко внутренней злобе и замкнутости, порождает страх утраты и гнев на возможных конкурентов и завистников. С ней связана жадность (любостяжание), что осуждается у всех народов. Алчность рассматривается как мотив преступления, как причина многих трагедий. Была также осознана довольно тесная связь алчности и зависти. Христианская культура накладывает на зависть табу и рассматривает это чувство как смертный грех, который сам по себе несет мощное разрушительное воздействие на человека. Зависть беспредельна, она всегда находит себе предмет. Жизнь завистника превращается в нескончаемую муку. Об этом сказано в Библии, в этом человеческая природа мало изменилась со времен Ветхого Завета. Зависть к соседу наиболее яркая и разрушительная мотивация завистника. Грех разрушает иерархию ценностей, уклонение от заповедей Бога. Зависть весьма деятельна – она зовет на подвиги отдельных личностей и це-

лые народы, воплощаясь в войнах, революциях, побоищах и драках, склоках и прочих деяниях, но этот порок, так же как гнев и алчность ослепляет, лишает разума. Зависть противопоставляется таким христианским добродетелям как смирение, великодушие, благожелательство и сострадание. В известной Книге Притчей отмечено: «...зависть – гниль для костей» (Прит.14:30). Когда человек испытывает чувство зависти к чужому достатку и благополучию, то происходит его физическая и духовная деградация, опустошение души. Завистник, ради утоления своей жажды лучшей жизни готов совершить тяжкие преступления: убийство родственника, друга, ближайшего соратника. Иоанн Златоуст замечал: «Зависть есть корень убийства». Мыслители Средневековья предостерегали, говоря о том, что зависть – это страшная сила, которая подобно кислоте разъедает все человеческие взаимоотношения. В один миг близкие люди могут стать чужими: братья – ненавистниками, друзья – врагами. Ее жертвы – бедные и богатые, молодые и старцы, ученые и неучи. Она свойственна всем нациям, расам, племенам и народам.

Бескорыстие и корыстолюбие достаточно тесно соотносятся с двумя противоположными видами направленности личности: просоциальным и асоциальным. Просоциальная направленность – заботливая обращенность к людям, любовь, альтруизм, жертвенность, служение другим людям. Эта направленность конструктивна для развития самой личности и благоприятных межличностных отношений. Асоциальная направленность – это эгоизм, иждивенчество, манипуляция другим человеком или многими людьми, властвование без ответственности за судьбу других и стремления привести их к благу. Этот вариант направленности деструктивен для развития самой личности и межличностных отношений, которые у нее формируются с социальным окружением. Для первого подвида характерно принятие самостоятельной ценности межличностного взаимодействия, поиск радости со-бытия, сопереживания, сотворчества вне связи с величиной

достигнутых результатов. Второй представляет собой манипулирование людьми, использование их для доказательства самому себе и окружающим собственной значимости. Манипулирование для человека с такой направленностью может быть самоценно, но в большинстве случаев соединено с корыстолюбивыми поступками. Такого рода направленность снижает психологическую устойчивость, она разрушается необузданной страстью к власти, богатству, тщеславию, которые могут выступать для субъекта убедительными доказательствами своей силы, своего влияния.

Б.Ф.Ломов [4] обращает внимание на то, что в целом ряде подходов к личности направленность занимает место ее ведущей характеристики. В разных концепциях эта характеристика раскрывается по-разному: как "динамическая тенденция" (Рубинштейн), "смыслообразующий мотив" (Леонтьев), "доминирующее отношение" (Мясищев), "основная жизненная направленность" (Ананьев), "динамическая организация сущностных сил человека" (Прангишвили). Она так или иначе выявляется в изучении всей системы психических свойств и состояний личности: потребностей, интересов, склонностей, мотивационной сферы, идеалов, ценностных ориентаций, убеждений, способностей, одаренности, характера, волевых, эмоциональных, интеллектуальных особенностей и т. д. Направленность выступает как системообразующее свойство личности, определяющее ее психологический склад. Именно в этом свойстве выражаются цели, во имя которых действует личность, ее мотивы, ее субъективные отношения к различным сторонам действительности: вся система ее характеристик.

Эгоистическая направленность личности, занимала умы многих мыслителей разных времен. Видный российский философ и психолог начала прошлого века И.И.Лапшин [3] разделял эгоизм на «теоретический» (позиция познающего субъекта) и моральный (практический), при котором единственным мотивом человеческих действий является удовлетворение личных потребностей, т. е. стремление к личному благополучию.

Сущность морального эгоизма понималась по-разному: основная пружина удовлетворения грубых личных чувственных потребностей (Ламеттри), удовлетворение тонких личных потребностей, в состав которых может входить и удовлетворение потребностей других вследствие совпадения личных выгод с общественными (Бентам), желание избежать неприятности, причиняемой видом чужого страдания (Гельвеций), удовольствие, получаемое из сознания превосходства над страждущим, которому сочувствуешь и помогаешь (Руссо), привычка (в силу того, что живем от рождения в общественной среде) поступаться собственными интересами ради чужих и последние образуют с первыми такую неразрывную ассоциацию, что входят в мотивацию наших поступков (Джон Милль), эта привычка фиксировалась в нас путем эволюции и стала унаследованным предрасположением (Спенсер).

Согласно Э.Фромму [6], эгоизм — это жадность, ненасытность, не дающая возможности пережить удовлетворение. Эгоист всегда беспокоен, его гонит страх где-то чего-то недобрать, упустить, чего-то лишиться; он переполнен завистью к каждому, кому досталось больше. Эгоисту трудно полюбить не только другого, но и себя, поскольку не способен принимать себя полно, должен доказывать себе, что не хуже остальных. Эгоистичность — черта характера, в значительной степени формируемая родительским воспитанием.

Альтруистичность базируется на усвоенных нравственных нормах общества, на чувстве долга, осознании социальной ответственности. У верующих с внутренней религиозной направленностью, по Г.Оллпорту [5], альтруистические поступки направляются следованием религиозным постулатам, например, «возлюби ближнего своего».

Духовное содержание человека раскрывается в различных проявлениях — в мировоззрении, в поведении, деятельности и поступках, в духовных потребностях и мотивах, в духовных переживаниях. В основе миро-

воззрения, относящегося к духовному содержанию, лежат: убеждения в существовании чего-то, что можно признавать высшим, и представления о высшем (высших ценностях, принципах, высших по своему совершенству достижениях творчества); представления о долге (гражданском, общественном, служебном, отцовском, материнском, сыновнем, врачебном, воинском долге и т. п.); представления об идеалах; представления о священном. В светском понимании священное – это то, что имеет наивысшую значимость для личности, группы, общества, страны (если, говоря о стране, иметь в виду ее население), то, что достойно почитания. Некоторые символы священного, святого, величественного человек, сообщество признают, объявляют неприкосновенными. Особенно следует выделить принятие идеалов служения и следования им, неукоснительное исполнение своего долга, готовность признать и принять исполнение священного долга как почетное дело. К духовности относят также: открытость к принятию духовной культуры, желание усваивать ее, устремленность к высшим ценностям и идеалам, готовность к служению, интерес к святыням, обращенность к их изучению, стремление приблизиться к ним; возвышенность мотивов поведения человека, благородство; самоотверженность, жертвенность в поступках, в бескорыстном поведении. Приверженность служению, одержимость (без мистического истолкования) служением – сильнейшая мотивация следования идеалам, при которой все прочие потребности и мотивы становятся минимальными. Имеется в виду одержимость служением как полное и всеобъемлющее подчинение разума человека одной – высшей — цели, как концентрация всех сил для ее достижения. Одержимый человек, насколько возможно, все силы отдает служению.

Говоря о высоких уровнях развития, мы имеем в виду сформированную иерархию ценностей, мотивов и целей личности, которая возможна в том случае, если определены высшие ценности, мотивы и цели, если они сильнее, действеннее остальных. Аксиологический подход к описанию

содержательного потенциала в базисных категориях может состоять в том, что в качественных аспектах главную роль играет оценка базисных категорий, а стержневым механизмом развития выступает осознание их ценности. Расширение духовной жизни личности, возрастание роли духовной организации А. Ф. Лазурский рассматривал как характерную особенность повышения психического уровня. В ходе личностного развития круг идейных целей и интересов расширяется, включает заботы о других людях, усиление бескорыстного интереса к явлениям природы, эстетическим и этическим ценностям и т. п. На высших ступенях психического развития «человек, увлекшись какой-нибудь идеей, готов пожертвовать для нее не только своими чувственными влечениями, своими материальными выгодами и удобствами, но и своим отношением к людям и даже своей жизнью» [2, с. 15]. Лазурский приводит замечание Ф. М. Достоевского о том, что сильно развитая личность готова отдать себя всем, чтобы и «другие все были точно такими же самоправными и счастливыми личностями» и, соглашаясь с тем, что это закон природы, добавляет: «... Идейные стремления высокоодаренных личностей могут быть направлены не только на содействие и помощь другим людям, но также и на иные, более абстрактные цели: познание, красоту, самосовершенствование и т. п.» [2, с. 15].

Высота психического уровня, согласно Лазурскому, не может служить основой для этико-социальной оценки индивидуума. Люди, имеющие тенденцию к повышению психического уровня и стремление к совершенствованию, являются в социальном отношении более полезными и в этическом смысле лучшими. В повышении психического уровня (развитии умственной, эмоциональной, волевой одаренности) человек ограничен природными особенностями нервно-психической организации, но имеет больше возможностей использовать имеющиеся от природы духовные силы, дать им «развернуться как в количественном, так и в качественном отношении». «И этот именно “священный огонь”, это стремление к возмож-

но более полному и всестороннему развитию и проявлению своих духовных сил мы считаем одинаково ценным, будет ли оно проявляться в яркой и разнообразной психике богато одаренного человека, или же в бедной примитивной душе индивидуума, принадлежащего к низшему психическому уровню» [2, с. 65].

К *характерологическим детерминантам* можно отнести добродетельные черты. Греки выделяли четыре добродетели как главные: мудрость, мужество, справедливость, умеренность. Аристотель считал, что неразумная, чувственная часть души послушна её разумной части так же, как ребёнок послушен отцу. Добродетель – это привычка (навык) находить желанную середину. По Аристотелю, добродетельные привычки человека соотнесены с удобными формами общественной жизни.

Страстность, как черта личности, характеризуется тем, что источник энергии страстного человека находится внутри него, влияние ситуационных факторов ограничено, не они играют решающую роль в проявлении страсти (например, если ситуация вынуждает нападать или обороняться, многие действуют энергично) [1]. Страсть – проявление страстности, характер поведения, деятельность высокой интенсивности. Здоровая страсть может способствовать продуктивности деятельности и поведения, иерархизации мотивационной структуры личности. Часто страсть притягательна для окружающих и, тем самым, позволяет индивиду расширять пространство влияния — находить последователей, вести за собой людей, вдохновлять своим примером, повышать значимость того, на что она направлена.

Выраженная здоровая страсть не обязательно приводит к акцентированной страсти, а акцентуированная страсть – к болезненной страсти. Человек может оставаться на том уровне силы страсти, на котором находится. Если здоровую страсть часто сопровождают достижения и приобретения, то акцентуированную страсть – неудачи и потери. Болезненная страсть не только лишь искажениями или замедления в развитии, но раз-

рушение личности. Акцентированная и болезненная страсть не являются развитием, продолжением плодотворной страсти — в плане возрастания ее силы. Они являются следствием углубления личностной дисгармонии. Не страсть приводит к дисгармонии личности, а дисгармония личности порождает акцентированную, или – еще хуже, болезненную страсть. Если силу плодотворной страсти, полагаю с немалыми трудностями, можно измерить величиной достижений. Добавим, чаще достижений не объективно определяемых, а субъективно переживаемых. Силу же акцентированной или болезненной страсти можно характеризовать не величиной достижений, а величиной потерь. Продуктивная страсть способствует полноценному течению бытия личности во всех основных аспектах бытия (функционировании, саморегуляции, развитии, адаптации).

Важное измерение, по которому следует разделять страсти: альтруистичность или эгоистичность намерений. И здоровая страсть нередко эгоцентрична и, даже, эгоистична, поскольку предполагает овладение предметом страсти. Даже если результат пристрастия, страстной деятельности — научной, художественной, артистической... – имеет несомненное социальное значение, интересен и необходим многим людям, эта ценность может отойти на второй план, а первичен будет мотив обладания, как источник энергии субъекта страсти. То есть, первична жажда найти истину самому, самому создать художественный шедевр, покорить своим артистическим обаянием. Преданность предмету без мотива владения или овладения – служение. В служении человек отдает себя целиком, не рассчитывая на вознаграждение, тем более – не требуя его. Желать и планировать стать святым – святотатство. И малая толика жажды славы может превратить служение в алчность.

Список источников

1. Куликов Л.В. Страстность и страсть как психические феномены //Вестник СПбГУ. Серия 6, 2007. Вып. 1. С. 12-25.
2. Лазурский А. Ф. Избранные труды по психологии. М.: Наука, 1997.

3. Лапшин И.И. Эгоизм //Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 томах (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890—1907.
 4. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
 5. Оллпорт Г. Личность в психологии. М.-СПб., 1998.
 6. Э.Фромм. Бегство от свободы. М.: Прогресс. 1995.
- Дата отправки в редакцию 21.05.2014.

Socio-psychological aspects of greed and selflessness

Leonid V. Kulikov. St.-Petersburg State University. Psychological Department. Professor,
Doct.sc. (psychology)

Anastasia V. Pilishina. St.-Petersburg State University. Graduate student of the Faculty of Psychology